

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТДЕЛЬНЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

Глава 8. Антропологические идеи А. Адлера

В наследии Адлера немало антропологических идей, которые в последние годы привлекают внимание исследователей (Р.М.Алейник, Е.М.Балагушкин, И.А.Монина). Несомненно, что в истории психоанализа Адлер осуществил своеобразный антропологический переворот. От анализа отдельной психики конкретного индивида он обратился к целостному изучению человека как особаго рода сущего. В его трудах мы находим попытки определить человеческую природу, проанализировать властолюбие как антропологическую проблему, идею целостности человека и мотивацию человеческой деятельности.

«Философская проблематика сознания в индивидуальной психологии А.Адлера, – пишет Р.М.Алейник, – структурно близка философской антропологии М.Шелера, Г.Плеснера, А.Гелена. Все они натурфилософски описывают положение человека, его жизненного мира. Известно также, что большая часть его мыслительного процесса была параллельна “философии жизни”, даже отчасти от нее происходит. Речь идет о направлении, которое видит в жизни преимущество перед сознанием. Виталистская философия Шопенгауэра, Ницше, Гартмана, Зиммеля, Бергсона, Клагеса, Фрейда, Юнга была ему сродни. Все они связывали себя опосредованно с большими теориями типа Дарвина, Ламарка, стремящимися прояснить загадку живого»¹⁷⁷.

Адлер оспорил вывод Фрейда о том, что именно прошлое обусловливает наши поступки и мысли. Напротив, он полагал, что только глубокое индивидуализированное стремление к цели рождает фе-

номен осмысленной жизни. Каждая личность своеобразна. Поэтому можно говорить не о нивелирующих общих тенденциях развития человека, а о сугубо индивидуальной стратегии его жизни¹⁷⁸.

Слово «личность» подчеркивает социальность человека, его возвышение над природным миром. Поздняя античность называла человека личностью, чтобы подчеркнуть, что он не является лишь природным организмом, а обнаруживает сугубо человеческие свойства. Слово «личность» появилось в Западной Европе не ранее XVII в. В России термин ввел Н.М.Карамзин. Характерно, что в китайском языке нет иероглифа, который выражал бы смысл этого слова. Личность связана с социальностью, с обществом. Однако ее богатство шире, чем культура данной эпохи. Личность – универсальное понятие духовного человека.

Понятие «личность» разносторонне разработано в русской религиозной философии. В.С.Соловьёв подчеркивал прежде всего неисчерпаемость личности как выражение всечеловеческого. «Человеческая личность, – писал он, – и, следовательно, каждый единственный человек, есть возможность для осуществления неограниченной деятельности, или особая форма бесконечного содержания»¹⁷⁹.

Итак, по мнению В.С.Соловьёва, личность неисчерпаема. В этом он усматривал аксиому нравственной философии. По мнению философа, если отобрать у личности ее общественное достоинство, то останется животная особь. Социальность, следовательно, есть одно из определений личности. Ценность этих размышлений Соловьёва, которые соотносятся с концепцией Адлера, состоит в том, что они оба не замыкают личностное богатство рамками конкретного общества. Социальность личности выходит за пределы конкретного общественного организма. Личность соотносит себя с универсальной практикой человечества.

Адлер же полагал, что каждый человек стремится к завершенности, целостности собственной жизни, к личностному росту. Его цель всегда неповторима и личностна. Она выражается в индивидуальном стиле жизни, который оконтуривается в возрасте от двух до пяти лет. Адлер вводит понятие «стиль жизни». Это ключевой термин психологии личности. Так обозначается комплекс индивидуальной самостоятельной философии данного человека, специфических для него верований и взглядов на жизнь. Стиль жизни является стержнем личности. Он представляет собой творческую

реакцию самого человека на опыт первых лет жизни, которые, в свою очередь, влияют на всю картину его восприятия себя и мира и, следовательно, на его эмоции, мотивы и действия.

Во многих своих работах Адлер показывает, что формирование типов характера начинается в раннем возрасте. В то время как одни дети развиваются по пути накопления сил и стараются добиться признания благодаря мужеству и уверенности в себе, другие как бы спекулируют на своих слабостях и стараются всячески их обозначить. Достаточно понаблюдать за поведением, выражением лица и манерой держаться конкретных детей, чтобы понять, к какой из двух групп он принадлежит. Каждый из этих типов характера имеет значение только в том случае, если будут ясными взаимоотношения ребенка с окружающей средой.

Адлер считал, что мы не способны думать, чувствовать, желать, действовать, не имея перед собой цели. В мире, где нет цели, всякое оставалось бы на стадии беспорядочного ощупывания, экономя душевной жизни оказалась бы недостижимой: без целостности и целеустремленности мы сравнялись бы с живым существом ранга амебы. В неживом мире просматривается очевидная причинность. В жизни больше места должностнованию.

Отсюда еще один вывод Адлера. Любое душевное явление, если оно должно помочь понять человека, может быть осмыслено и понято лишь как движение к цели. Конечная цель у каждого человека возникает осознанно или неосознанно, но ее значение всегда неизвестно... Психопаналитик иллюстрирует это замечательным примером. Невозможно вырвать душевные процессы из контекста. Вот, скажем, у человека «плохая память». Предположим, что он осознал это обстоятельство, а проверка выявила низкую способность запоминания бессмысленных слов.

Что из этого следует? Традиционная психология констатировала бы, что данный пациент страдает врожденным или вызванным болезнью изъяном, в частности, с трудом запоминает слова. Индивидуальная психология подходит к этой проблеме совершенно иначе. Как только удастся сделать определенный вывод о нарушении органики, ставится вопрос: какую цель преследует слабость памяти? Какое это имеет для нее значение?

Здесь требуется более полное знание о данном человеке. Один открыто демонстрирует свои физические недостатки. Другим удастся утратить веру в свои способности, идет ли речь о вчувствовании

нии в ненормальное психическое состояние или о предвосхищении тревожных пессимистических ожиданий. В этом случае пациент использует едва не половину своей энергии, внимания и воли. Аранжировку этой недостаточности Адлер и назвал «комплексом неполноценности».

В основе всей человеческой деятельности Адлер видит стремление к полноте и личному превосходству, реализуемое через механизм компенсации первичного чувства неполноценности. Под социальным чувством или социальным интересом он понимает коллективный дух, чувство общечеловеческого братства и самоотождествления со всем человечеством, которое формирует позитивные социальные отношения.

Адлер считает эти отношения конструктивными и здоровыми только тогда, когда они включают в себя равенство, взаимодействие и дух сотрудничества. Социальное чувство коренится в способности отождествлять себя с себе подобными и ведет к стремлению построить идеальное общество, основанное на сотрудничестве и равенстве личностей. Понятие социального чувства можно считать ключевым в адлеровской концепции индивида как социального существа. Личность по своему формированию социальна.

Сама неполноценность личности, как считает Адлер, обнаруживается только в отношении к среде. Он считает приспособление личности к обществу важнейшей психологической функцией как личности, так и общества. Ответственность, верность, откровенность, правдивость и т. п. – это достоинства, которые возникают и поддерживаются благодаря незыблемым принципам общественной жизни. Личность, по мнению Адлера, не может сформироваться, если не прививать ей глубокого сознания единства с человечеством и не обучать искусству быть цельным человеком.

Развернутую антропологическую версию власти находим в работах немецкого психолога А.Адлера. Этот мыслитель рассматривал стремление к власти как «нездоровую» потребность человека, вызванную особенностями воспитания данного индивида. Особое внимание Адлер уделил комплексу неполноценности. Он считал его универсальным механизмом, который порождает желание доминировать над другими людьми, подчинять их себе, своей воле. Вот основные положения Адлера на этот счет.

1. Каждый человек переживает чувство неполноценности в детстве, когда он зависит от родителей. Это чувство побуждает человека бороться за превосходство над окружающими, стремиться к совершенству. Такие побуждения являются мотивационной силой в жизни человека, начиная с трехлетнего возраста.

2. Развитию комплекса неполноценности в детстве также способствует неполноценность физических органов, чрезмерная опека или отвержение со стороны родителей.

3. Чрезмерное ощущение неполноценности приводит к формированию у человека комплекса неполноценности, т. е. преувеличенному чувству своей слабости и несостоятельности.

4. Комплекс неполноценности порождает стремление к гиперкомпенсации и как следствие вызывает комплекс превосходства (преувеличение здорового стремления преодолеть постоянное чувство неполноценности).

5. Стремление к превосходству, являясь общечеловеческой чертой, может иметь как конструктивное (например, индивид способен стать общественным деятелем), так и деструктивное (данный субъект может возглавить банду).

Адлер подчеркивал, что тот, кто изучает властолюбивые фантазии ребенка, найдет их мастерское изображение в романе Ф.Достоевского «Подросток». «У одного моего пациента они проявились особенно ярко. В его мыслях и сновидениях всегда повторялось одно и то же желание – пусть другие умрут, чтобы он имел простор для жизни, пусть другим будет плохо, чтобы он получил лучшие возможности. Эта манера поведения напоминает безрассудность и бесчувственность многих людей, взваливающих все свои беды на то, что слишком уж много людей живет на свете, – побуждения, которые, несомненно, во всех отношениях сделали мысль о мировой войне более приемлемой... “Я хочу стать могильщиком, – сказал мне один четырехлетний мальчик, – я хочу быть тем, кто закапывает других”»¹⁸⁰.

Фантазии-желания ребенка, считал Адлер, являются выражением психического импульса, безоговорочно диктующего установку и тем самым поступки ребенка. Однако степень интенсивности импульса бывает различной. У нервных детей – компенсируя их повышенное чувство неполноценности – она возрастает до безграничных размеров. В ходе исследований обнаруживались воспоми-

нения о событиях («инфантильных переживаниях», «травмах»), во время которых ребенок обнаруживает агрессивность, как это показано в работе Адлера «Агрессивные влечения», происходит столкновение с внешним миром. Так рождается негативный эмоциональный опыт. Жажда триумфа отчетливо проявляется в сновидениях и желаниях-фантазиях, а установка на роль героя является попыткой компенсации.

Именно в грёзах ребенок превращается в облеченного властью мужчину. Известно, что уже во втором полугодии своей жизни ребенок хватается все предметы и нелегко с ними расстается. Вскоре под гнетом стремления к власти и чувства общности он стремится к людям, которые хорошо с ним обращаются. К этому стремлению всем обладать присоединяется, по мысли Адлера, в качестве тенденции к самозащите, ревность. Если ребенок и дальше вынужден прибегать к защитным мерам, то это нередко приводит к ранней зрелости и нерешительности. Адлер, таким образом, пришел к убеждению, что именно так рождается в ребенке невротическая черта, которая ставит себе целью достижение «богоподобного» превосходства.

Адлер показал, что не следует рассматривать невротическое поведение так, как если бы оно подчинялось сознательной цели. Именно неосознаваемость фиктивной идеи является уловкой психики, когда их осознание угрожает цельности личности. «Не забывайте о властолюбии!» – таково было его предостережение пациентам. Итак, рано или поздно ребенок осознает свою неспособность в одиночку справиться с трудностями повседневного существования. Чувство неполноценности – это движущая сила, исходная точка стремлений всякого ребенка. Оно определяет, как удастся данному ребенку добиться покоя и уверенности в себе, оно обуславливает цель существования. Этот комплекс неполноценности может, согласно Адлеру, усилиться вследствие некоторых особенностей нашей цивилизации. Ребенку внушают, что он никто, бесправное создание.

Желание быть центром всеобщего внимания и требовать от родителей нежности появляется уже в первые дни жизни ребенка. Цель этого желания – достичь такого положения, когда индивид выглядит превосходящим свое окружение. Определить характер желаемого превосходства личности помогает степень развития ее

социального чувства. Под «социальным чувством» Адлер понимал коллективный дух, чувство общечеловеческого братства и самоотождествления со всем человечеством, которое формирует позитивные социальные взаимоотношения. Адлер считал, что эти взаимоотношения могут быть конструктивными и здоровыми только тогда, когда они включают в себя равенство, взаимодействие и дух сотрудничества. Социальное чувство начинается со способности отождествлять себя с себе подобным и ведет к стремлению построить идеальное общество, основанное на сотрудничестве и равенстве личностей. Это понятие является ключевым в адлеровской концепции индивида как социального существа.

«Когда мы спрашиваем себя, – писал Адлер, – как лучше обуздать стремление к власти и превосходству, это наиболее заметное зло нашей цивилизации, мы сталкиваемся с затруднением, поскольку это стремление зарождается в том возрасте, когда свободное общение с ребенком невозможно. Мы можем начать попытки исправить и просветить его лишь гораздо позднее. Однако, живя рядом с ребенком этого возраста, мы все имеем возможность развить его социальное чувство до такой степени, чтобы стремление к власти над другими стало пренебрежимо малым фактором»¹⁸¹.

Трудность заключена в том, что дети не выражают свое стремление к власти над другими явно, а скрывают его под личиной заботливости и любви и занимаются своим делом под обманчивой маской. Таким образом они надеются избежать разоблачения. «Неприкрытое стремление к власти и уверенности в себе может повредить психологическому развитию ребенка и превратить мужество в дерзость, послушание в трусость, мягкость в утонченную стратегию, целью которой является полное доминирование. В конечном счёте любое проявление естественных чувств ребёнка несет в себе элемент лицемерия, целью которого является господство над окружающей действительностью»¹⁸².

Обучение влияет на ребёнка благодаря своей сознательной или бессознательной цели – компенсировать его неуверенность в себе, обучить его искусству жить, сформировать его рассудок и поощрить в нем развитие социального чувства по отношению к себе подобным. Все эти меры, каков бы ни был их изначальный смысл, являются способами помочь ребенку избавиться от неуверенности в себе и чувстве неполноценности. О том, что творится в душе ре-

бенка в ходе этого процесса, можно судить по чертам характера, которые у него развиваются, поскольку они и есть зеркало его психической деятельности. Фактическая степень неполноценности ребенка, хотя она и важна для его психологии, не является критерием, при помощи которого мы можем определить выраженность его чувства неуверенности в себе и неполноценности, поскольку они зависят главным образом от ее интерпретации.

Власть – необоримая, захватывающая страсть человека. Недаром Ф.Ницше выделил ее как основной инстинкт, превращающий каждого человека во властолюбца. Наследовал эту мысль и А.Адлер. Он показал, что всякая власть постольку и до тех пор является властью, пока она больше, чем власть. Имеется в виду возрастание власти. Власть способна держаться в самой себе, иначе говоря, в своем существовании, только превосходя и превышая себя. Она постоянно овладевает всякой достигнутой ступенью власти. Стоит ей только остановиться, и она становится уже «немощью власти». Позже эта мысль нашла свое отражение в рассуждениях М.Хайдеггера¹⁸³.

Опираясь на патологический материал, Адлер создает своё широко известное учение о компенсации. Универсальным источником развития личности выступает, по Адлеру, первичное чувство неполноценности, переживаемое человеком. Это переживание порождает стремление человека к самоутверждению, к позитивному развитию, которое Адлер обозначает заимствованным у Ницше термином – стремление к власти (силе, могуществу). Под влиянием этого стремления неполноценность компенсируется или даже сверхкомпенсируется.

Потребность во власти, как показано в политической психологии, может быть вызвана не только мощью лидерских качеств. Напротив, желание получить власть, нередко является результатом «недостаточности», «неполноты» человека как личности. Исследователи подчеркивают: не будь Ницше хилым, слабым ребенком, вряд ли мы получили бы теорию «супермена». Психоанализ показывает, что власть является сильнейшим компенсаторным механизмом. Вслед за Ницше А.Адлер раскрыл истинные истоки властолюбия. В основе всей человеческой деятельности, считал немецкий психоаналитик, лежит стремление к полноте и личному превосходству, реализуемое через способность к компенсации

первичного чувства неполноценности. Под социальным чувством или социальным интересом Адлер понимал коллективный дух, чувство общечеловеческого братства и самоотождествления со всем человечеством, которое формирует позитивные социальные взаимоотношения.

Обычно считают, что к власти стремится сильный человек, привыкший подавлять других при реализации своих потребностей. Это мнение нередко подтверждается на практике, но ни Адлер, ни Фромм так не считали. Э.Фромм писал, что «в психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости»¹⁸⁴. Поэтому слабый человек стремится к власти, чтобы с помощью других реализовать то, что он не в состоянии сделать самостоятельно. Можно согласиться с Фроммом, что в основе воли к власти лежит садомазохистский комплекс. Причем проявляется он в двух планах. Человек, преодолевая свой комплекс неполноценности, описанный Адлером, стремится получить власть, чтобы использовать ее для самоутверждения, преодоления своей неполноценности, реализует садистские наклонности через подавление, господство и унижение других. А с другой стороны, комплекс неполноценности преодолевается через подчинение вышестоящей власти, чем обретается спокойствие и уверенность после избавления от чрезмерного бремени свободы и ответственности. Часто при этом могут проявиться мазохистские черты, связанные с уничтожением себя, угодливостью по отношению к начальству и другими проявлениями «рабской» психологии. («Раб, выдавивший из себя раба, живет как свободный раб»). Так, в авторитарной личности проявляются два лица: для подчиненных он – господин, для вышестоящего начальства – верный раб.

«Изучая патологическое стремление к власти, – писал Адлер, – мы встречаем индивидуумов, которые не жалеют усилий, чтобы упрочить свое положение в жизни, действуя при этом крайне импульсивно, с исключительной поспешностью, и совершенно не принимают во внимание других людей. Это те дети, поведение которых характеризуется неукротимым стремлением к преувеличенно значимой цели – доминированию над себе подобными. Задевая права других, они ставят под удар свои собственные права; они враждебны по отношению к миру, а поэтому мир враждебен к ним»¹⁸⁵.

Это не обязательно должно происходить открыто. Бывают дети, чье стремление к власти выражено таким образом, что это не приводит к немедленному конфликту между ними и обществом, и их честолюбивые замыслы могут сначала показаться вполне нормальными. Однако при последующем толковании обнаруживается антисоциальность их амбициозности. В первую очередь сюда следует отнести гордыню, тщеславие и желание победить всех любой ценой. Последнее можно осуществить хитростью. Относительное возвышение индивида может быть достигнуто путем принижения тех, с кем он вступает в контакты. В этом случае, по мнению Адлера, важна «дистанция», которая отделяет его от окружающих. Подобная поведенческая установка пагубна не только для общества, но также и для индивида, который является ее носителем, поскольку она постоянно заставляет его вступать в контакт с темными силами действительности и не позволяет ему получить никакого удовольствия от жизни.

«Преувеличенное стремление к власти, посредством которого некоторые дети пытаются утвердить свое господство над окружающими, – пишет Адлер, – вскоре вынуждает их оказывать сопротивление обычным делам и обязанностям повседневной жизни. Если мы сравним такого властолюбивого индивидуума с идеально социализированным человеком, мы, при помощи некоторого опыта, можем установить его социальный индекс, т. е. степень достигнутой им самоизоляции от себе подобных. Те, кто наделен способностью здраво рассуждать о природе человека, помня о важности физических дефектов и неполноценности, знают, что такие черты характера не смогли бы возникнуть без имевших ранее место трудностей психологического развития»¹⁸⁶.

Итак, опираясь на патологический материал, Адлер развивает концепцию не только компенсации, но и человеческой природы в целом. Универсальным источником развития личности выступает, по Адлеру, первичное чувство неполноценности, переживаемое человеком. Это переживание порождает стремление человека к самоутверждению, к позитивному развитию, которое Адлер обозначает заимствованным у Ницше термином – стремление к власти (силе, могуществу). Под влиянием этого стремления неполноценность компенсируется или даже сверх компенсируется.

Потребность во власти, как показано в работах Адлера, может быть вызвана не только мощью лидерских качеств. Напротив, желание заполучить власть нередко является результатом «неполноты» человека как личности. Исследователи подчеркивают: не будь Ницше хилым, слабым ребенком, вряд ли мы получили бы теорию «супермена». Психопроанализ показывает, что власть является сильнейшим компенсаторным механизмом. Вслед за Ницше Адлер раскрыл истинные истоки властолюбия. В основе всей человеческой деятельности, считал немецкий психопроаналитик, лежит стремление к полноте и личному превосходству, реализуемое через способность к компенсации первичного чувства неполноценности.

Адлер трактовал стиль жизни как творческую реакцию самого индивида на опыт первых лет жизни, который, в свою очередь, влияет на всю картину его восприятия себя и мира, а следовательно – на его эмоции, мотивы и действия. Он считал социальные отношения конструктивными и здоровыми только тогда, когда они включают в себя равенство, взаимодействие и дух сотрудничества. Понятие социального чувства, по Адлеру, можно считать ключевым в адлеровской концепции индивида как социального существа. Личность по своему формированию социальна.

Адлеру принадлежит приоритет в утверждении, что агрессия, которую он изначально называл «волей к власти», имеет в человеческой жизни фундаментальное значение. Люди, испытывающие дискомфорт из-за маленького роста, например Наполеон, развивают компенсаторную борьбу за власть. Адлер уделял большое внимание таким человеческим качествам, как «воля к власти», «стремление к превосходству» и считал их приоритетными силами в деятельности человеческой психики. Таким образом, по мнению Адлера, агрессия является результатом действия «комплекса неполноценности». В сознании же появляется обратное чувство – «Я лучше всех». Вся оставшаяся жизнь посвящается доказательству этого, и очень часто любой ценой.

Сама неполноценность личности, как считает Адлер, обнаруживается только по отношению к среде. Он полагал, что приспособление человека к обществу является важнейшей психологической функцией личности. Ответственность, верность, откровенность, правдивость и т. п. – это достоинства, которые возникают и поддерживаются благодаря незыблемым принципам общественной

жизни. Личность, по мнению Адлера, не может сформироваться, если не прививать ей глубокого сознания единства с человечеством и не обучать искусству быть цельным человеком.

Вклад Адлера в философскую антропологию заключался в призыве максимально адекватно прочувствовать оттенки чувств, которые можно наблюдать у человека. Вжиться в чужой внутренний мир – это настоятельная потребность психолога. В немецкой психологии на рубеже веков сложилось даже самостоятельное направление – понимающая психология. Адлер выступает как психолог, который тяготеет к описанию индивидуальных переживаний человека. Идеал строгой научности, который вынашивал Фрейд, здесь подвергается переоценке. В разворачивании психотерапии огромное значение имеет сопереживание, умение проникнуть в мир интимных, уникальных чувств пациента. Индивидуальная психология поэтому выступает как субъективная глубинная психология.

Приверженцы этого течения считали своей главной задачей не причинное, каузальное объяснение душевной жизни человека, а ее понимание через соотнесение ее внутренних смысловых образований (переживаний) с миром культурно-исторических ценностей. По мнению немецкого философа А. Дильтея, которому и принадлежит данная идея, человек узнает, что такое он сам, только из истории, которую Дильтей исследует в плане истории духа. Ведь история имеет дело с людьми, которые воспринимаются как духовные ценности. Но разве можно их реально ощутить с помощью описательной психологии? Дильтей полагал, что нет, это невозможно. Вот почему наряду с описательной психологией должна существовать и «понимающая» психология. Её цель – расчлнить путем воспроизведенного переживания структуру индивида или эпохи.

Понимающая психология считает, что невозможно изучить социально-историческую обусловленность психики человека путем экспериментальных, научных методов. Дильтей был убежден в том, что экспериментальная психология игнорирует самые существенные особенности человеческого сознания. Однако многие психологи не приняли этот вывод. В частности, немецкий психолог Г.Эббингауз считал, что программа понимающей психологии обладает ограниченностью. Она сводится к интуитивному постижению психики, поэтому не имеет объективных критериев и причинных оснований. Термин «понимающая психология» был введен

последователем Адлера Э.Шпрангером. Он выделил шесть типов человеческого поведения по отношению к различным областям культуры, в качестве идеальной модели выступал человек (личность) – теоретический, экономический, эстетический, социальный, политический и религиозный.

В ранних работах Адлер показывал огромную роль агрессии в борьбе за власть. Агрессия понималась им не столько как враждебность. Она отождествлялась в основном с сильной инициативой в преодолении препятствий. По мнению Адлера, агрессивные тенденции в поведении человека сыграли решающую роль в индивидуальном и родовом выживании. Агрессия, полагал Адлер, может обнаружиться как «воля индивида к власти». Он также подмечал, что даже сексуальность часто используется как средство удовлетворения тяги к власти и силе.

Позднее Адлер скорректировал свои представления об агрессии. Он рассматривал волю к власти как обнаружение более общего мотива – стремления к превосходству или совершенствованию. Стало быть, речь идет не о самопостижении личности, а о её готовности развивать свои способности, свой потенциал. Когда человек стремится к превосходству – это нельзя оценить однозначно. Если некто пытается реализовать собственные цели на благо обществу, это один вариант.

Однако некоторые люди борются за личное превосходство, они пытаются господствовать над другими людьми. Адлер был склонен считать, что борьба за личное превосходство – это невротическое извращение, результат сильного чувства неполноценности и отсутствия социального интереса. Если личность встала на этот путь, она вряд сумеет достичь совершенства и целостности.

Тема агрессивности затем не утратила в психоанализе своей остроты. Фромм посвятил этому феномену свою работу «Анатомия человеческой агрессивности». Он показал, что агрессия и разрушительность вовсе не обязательно играют ведущую роль в системе человеческих мотиваций. Даже генетически заложенная агрессивность не является спонтанной, а выступает как защита витальных интересов человека – его развития и выживания как рода и вида.

Эта оборонительная агрессия в условиях жизни первобытных народов была сравнительно незначительной, ибо человек человеку не был «волком». Однако с тех пор человек претерпел огромную

трансформацию. Садизм и некрофилия как злокачественные формы агрессии не являются врожденными. Можно в значительной степени снизить вероятность их возникновения, если изменить обстоятельства социальной и экономической жизни людей.

Фромм считал, что важно создать условия, способствующие полному развитию истинных способностей и потребностей человека. Развитие собственной человеческой активности и творчества должны стать самоцелью. Ведь эксплуатация и манипулирование человеком вызывает не что иное, как скуку, вялость и уныние, а всё, что превращает полноценных людей в психологических уродов, делает из них садистов и разрушителей¹⁸⁷.

Адлер описывает три ситуации детства, которые могут вызвать изоляцию, недостаток социального интереса и развитие такого стиля жизни, что не побуждает к сотрудничеству. Эти ситуации таковы – органическая неполноценность, избалованность или отверженность.

Дети, страдающие болезнями или слабостями, могут заикнуться на себе самих. Они отказываются от взаимодействия с другими из чувства неполноценности и неспособности соревноваться с другими детьми. Адлер тем не менее указывает, что те дети, которые преодолевают свои трудности, могут «сверхкомпенсировать» свои способности в необычной степени.

Избалованных или «испорченных» детей также подстерегают трудности в развитии чувства социального интереса и кооперации. Им не хватает уверенности в своих силах, поскольку другие всегда делали все за них. Вместо того, чтобы кооперироваться с другими, они выдвигают односторонние требования к друзьям и семье. Социальный интерес у них обычно слаб. Адлер считал, что избалованные дети, как правило, испытывают мало подлинных чувств к родителям, которыми они так успешно манипулируют.

Адлер пытался описать ход общественной жизни через символизацию поведения как «мужского» или как «женского». Нормальная потребность ребенка в опоре, чрезмерная подчиненность детей, склонных к нервным заболеваниям, их чувство слабости, оберегаемое гиперчувствительностью, чувство неполноценности, ощущение своей природной ущербности, своего постоянного оттеснения на задний план и обделённости, – все это трактуется как «женское». Активное же стремление к чему-либо

и у девочек, и у мальчиков, их погоня за достижением удовлетворения, разжигание своих желаний и страстей, – все это оценивается как проявления «мужского». На фоне этих представлений как у мальчиков, так и у девочек возникает усиленное стремление развивать в себе и демонстрировать «мужские» качества.

На самом деле речь идет о двух сторонах одного феномена, свойственного представителям обоих полов. Второе оказывается последствием и преодолением первого. Ребенок, который подвергается унижению и принуждению, поначалу может подчиняться диктату, но затем станет компенсировать его в виде протеста. Но данное противостояние примет для него специфическую форму нивелирования всего, что связано с социальным интересом и превозношением якобы мужского начала. И на этом пути человек встречает все чаще то, что можно назвать принуждением.

Актуальное противопоставление «мужского» и «женского» сочетается со вполне логичной, с позиции стремления к превосходству, дихотомией «верх» и «низ». «Мужское» представляется как «высшее», «женское» как низшее. Любым проявлениям своей души, воспринимаемым как «женское», всякому вообще пассивному поведению, послушанию, мягкости, малодушию, воспоминаниям о поражениях, незнанию, неумению, нежности многие люди, идущие по пути развития у себя комплекса неполноценности, пытаются придать чрезмерную «мужскую» направленность, развивая в себе ненависть, упрямство, жестокость, эгоизм, стремление к триумфу в любых человеческих отношениях.

Любовь, подлинная близость с другим человеком, социальный интерес могут толковаться как особенность «женского» начала и на этом основании отвергаться. Но бывает и так, что человек резко подчеркивает свою слабость, возлагая тем самым на других людей обязанность оказывать ему услуги. При этом нарастают его осторожность и осмотрительность, что приводит к уклонению от решений, чреватых риском. Социальный интерес, связанный со способностью любить, начинает оцениваться как опасное побуждение, которое может ввергнуть в нежелательную зависимость.

Бывает, по мнению Адлера, и так, что человек подсознательно стремится исключить любой эротический опыт, чтобы не потерять ориентацию на достижение превосходства. В качестве цели тогда выступает некий трафарет: «Я хочу быть настоящим мужчиной!»

В основе этой целевой установки, которая может присутствовать и у мужчины, так и у женщины, лежат, по словам немецкого психолога, две бессознательные предпосылки:

1. Человеческие отношения при любых обстоятельствах представляют собой борьбу за превосходство.

2. Женский пол является неполноценным и в своих реакциях служит мерой мужской силы. Иначе говоря, женский пол есть не что иное, как слабый мужской.

В результате, как показывает Адлер, человеческие отношения уродуются, вместо душевного спокойствия возникает постоянная неудовлетворенность, которая смягчается лишь иногда, чаще всего после усиления невротических симптомов, удачного представления доказательств своей болезни. Симптом, согласно Адлеру, замещает невротическую, распаленную жажду превосходства и соответствующую сильную эмоцию, обеспечивает ему внешнюю победу над окружением.

Стремление же обеспечить и продемонстрировать свое превосходство может проявляться в побуждении к сверхчеловеческому влиянию на любимого человека. Отсюда аранжировка обманутого ожидания, что позволяет всегда отстраниться от решения сексуальной проблемы и от партнера ради идеи власти.

Адлер обратил внимание на феномен, когда некий человек ведет себя по отношению к начальнику, терапевту, педагогу как самый преданный делу, самый прилежный и послушный работник или ученик. Он предан и исполнителен, но втайне пытается превзойти начальника или того, кому он демонстрирует послушание. В основе этого лежит его сформировавшийся в детстве комплекс неполноценности.

Невротик не задает себе вопрос: «Что я должен сделать, чтобы приспособиться к требованиям общества и благодаря этому добиться гармоничного сосуществования?». Его ключевой вопрос: «Как я должен организовать свою жизнь, чтобы удовлетворить свое стремление к превосходству, превратить свое постоянное чувство неполноценности в чувство богоподобия?». Иными словами, единственно установленный или зафиксированный в мыслях пункт – это достижение личностного идеала. Для того чтобы приблизиться к ощущению богоподобия, невротик принимает тенденциозную оценку своей индивидуальности, своих переживаний и

своей среды. В этом случае невротик провоцирует события и использует их в корыстных целях, чтобы найти заранее намеченное практическое поведение – ощутить себя оттесненным на задний план, обманутым, мучеником, чтобы создать близкий ему и желанный базис для агрессивности.

Жизненный план в этом варианте представляет собой хождение по немногочисленным, строго очерченным, заранее опробованным линиям. Так возникает невероятная сеть психологических защит. Адлер объяснял фиктивными целями многие войны, политические столкновения, преступления, самоубийства, случаи аскетического покаяния. Например, в самоубийстве невротик может видеть победу над препятствиями, испытывать даже чувство мести. Противоположным поведению, ориентированному на превосходство, должно, по словам Адлера, стать поведение, ориентированное на чувство общности.

Вопросы, поставленные Адлером перед философской антропологией, получили затем дальнейшую разработку не только в психоанализе, но и в работах тех мыслителей, которые обращаются к философскому постижению человека.